

зѣвать среди толпы хохотуновъ. Ночь въ нарушеніи Пророкова закона препровожденная довершила его отвращеніе и его несчастія, усугубя внутреннія терзанія; измощенный чрезъ сіе мошество, къ которому его привела любовь къ нѣкоторымъ молодымъ дворянамъ сдѣлался онъ при столѣ больнымъ. Одинъ изъ его друзей желалъ ему помочь, и проглотилъ великую кость споявшую ему жизни. Весь Багдадъ оплакивалъ его потерю; ибо онъ былъ судья, и никогда не бралъ взятковъ, ниже угнѣталъ бѣдныхъ.

Безушѣшенъ и въ пучину бѣдствій симъ приключеніемъ низверженный Омаръ самъ бы лишилъ себя жизни, если бы сей обрядъ столько во употребленіи былъ въ Багдадѣ, сколько при берегахъ рѣки Тамиса и Женевскаго озера. Свѣтъ ему сдѣлался ненавистнымъ, сердце было терзаемо умопредставленіемъ себя убійцею, хотя не самовольно, любезнѣйшія женщины, и лучшаго въ городѣ чело-вѣка. Не въ силахъ будучи предаться унынію принялъ попеченіе о здравіи. Заперъ свой домъ, и поѣхалъ въ деревню не далеко отъ жилища Абуденкова лежащую. Омаръ убѣгалъ обращенія всѣхъ смертныхъ; но встрѣтившись съ философомъ никакъ не могъ пренебречь важнаго вида, съ какимъ казался для него Абуденекъ; онъ ему сдѣлалъ подробную повѣсть своей жизни въ теченіи ея отъ перваго ихъ свиданія до сего времени. Сострадательное вниманіе, каковое показывалъ мудрецъ къ его разговорамъ